

В.Г. Вовина-Лебедева

«Царь-девица» русской истории

в восприятии современников и потомков

Есть такой образ в русских народных сказках – «царь-девица». Это не царица (жена царя), и не царевна (дочь царя). Это женщина в роли царя-мужчины.¹ «Царь-девица», как следует уже из прозвища, девушка, она не замужем, ее состояние как бы всегда временное, она как будто ждет чего-то и пока исполняет то, что противно ее природе – воюет или управляет царством. Но все это до той поры, как появится «добрый молодец», настоящий царевич или, на худой конец, везучий дурак, ставший царем. Он берет ее в жены и таким образом укрощает, лишает прежнего статуса, и бывшая «царь-девица» обретает свое естественное, природой определенное состояние мужниной жены, то есть становится обыкновенной царицей.

Дочь второго царя династии Романовых Алексея Михайловича София Алексеевна была единственной «царь-девицей» русской истории. Она правила государством семь лет с 1682 по 1689 г., пока ее младшие братья цари Иван и Петр Алексеевичи были детьми. Со сказочным образом ее роднило переходное, неустойчивое состояние. Это типичная «царь-девицына» модель, за исключением финала. Софья стала правительницей волею обстоятельств, из-за отсутствия взрослого мужчины в семье. Важную роль сыграл характер, очевидно, не по-женски решительный, проявившийся в трагические дни стрельцкого бунта 1682 г., когда судьба всего царского семейства была под угрозой. Не было у других Алексеевичей такой решимости и хладнокровия. И такого замаха на то, что ранее считалось не принятым, такой готовности нарушать устои. Под стать царевне Софье стал впоследствии только ее младший брат Петр, но тогда он был еще ребенком и его будущего нельзя было предвидеть. Потому и вышла наверх именно Софья, хотя была лишь третьей по старшинству из царевен.

¹ Когда этот текст был уже написан, обнаружилось, что образ «царь-девицы» уже применялся к царевне Софье. См. статью: Молева Н. Царь-девица // Знание-сила. 1971. № 1.

Но ее влияние на государственные дела неизбежно должно было закончиться с совершеннолетием братьев. Не могла Софья стать из «царь-девицы» законной самодержицей, даже если бы и не ссорилась с братом Петром, потому, что в России не было и быть не могло никого, кроме незамужних царевен, одной царицы-жены царя, да еще вдовой царицы, в особенности, если последняя воспитывала детей. Для того, чтобы престол заняла иностранка сомнительного происхождения Екатерина I, нужно было сначала пережить чудовищный слом культурных основ, который осуществил выросший Петр. А пока этого не было, судьба царевны Софьи была предрешена.

Не суждено ей было дождаться и «добрého молодца», не планировался он в финале, потому, что царевнам московского дома никаких молодцев не полагалось. Они были слишком высоки по рождению для брака с подданными династии, а другие православные женихи закончились, как закончились и другие православные царства. Царевны рождались для непорочной жизни, для воспитания племянников и племянниц. Это были «весталки» московского терема, только хранили они не священный огонь Весты, а ценности православной семьи, и в семье их роль и влияние могли быть значительными, как это было у незамужних теток царя Алексея Михайловича.

Обыкновенно пишут, что история не знает сослагательного наклонения. Но в случае с Софьей Алексеевной можно немного пофантазировать и представить, что она, как, возможно, мечтала сама или, быть может, думало ее окружение, лишилась братьев и мачехи царицы Натальи Ильиничны. Это могло случиться в результате заговора или по естественной причине - дети умирали часто, а дети Алексея Михайловича здоровьем не отличались. Но результат был бы один и тот же. Если бы Петр умер, не дожив до совершеннолетия, его мать Наталья Ильинична, возможно, ушла бы в монастырь, как когда-то поступила вдова царя Федора Ивановича царица Ирина. Правда, это было почти за сто лет до того, кроме того у Натальи Кирилловны была дочь царевна Наталья. И еще перед глазами был пример вдовы рано умершего брата Софьи царя Федора Алексеевича царицы Марфы Матвеевны, которая после смерти мужа не постриглась, а продолжала жить при дворе, в том числе и тогда, когда там заправляла Софья, и потом при Петре. Но даже в том случае, если бы Наталья Кирилловна не ушла бы в монастырь, нет оснований думать, что она заняла бы место Софьи. Выросший Иван стал бы править, опираясь на родственников, патриарха, бояр и некоторых особенно приближенных придворных, как это делал его брат Федор Алексеевич. Не исключено, что в таком случае значение царевны Софьи в государственных делах сохранилось бы до смерти брата, хотя

формально она уже не могла бы считаться «правительницей», принимать послов и подписывать грамоты.

Если же умерли бы оба брата - цари Петр и Иван, все было бы иначе. С формальной точки зрения цари правили царством вне зависимости от возраста и умственного состояния. Поэтому в случае смерти царя, даже ребенка или больного, ситуация менялась кардинальным образом. Нужен был новый царь. Поскольку наследников по прямой мужской линии больше не было, был бы, вероятнее всего, в третий раз (как и в 1598 г. и в 1613 г.) созван Земский собор, хотя к концу XVIIв. его уже давно не собирали. Но в Московском государстве, в таких важных случаях, действовали, опираясь на прецедент. А вот прецедента передачи власти женщине, тем более – девушке, как раз и не было. Скорее всего, на Земском соборе был бы избран царем один из бояр, возможно, молодой сын кого-то из лидеров думы, как это было сделано при избрании царем Михаила Федоровича. И бывшая «царь-девица» вернулась бы в девичий терем, хотя в случае избрания на престол кого-то из близких ей людей (а шансы на это были бы велики), могла продолжать неформально влиять на политику.

Но так уж случилось, что Софья Алексеевна покинула царские хоромы со скандалом и осталась в истории с печатью обвинения в планах убийства Петра и Натальи Кирилловны для того, чтобы «воцариться». За этим скандалом осталось в тени культурное значение тех семи лет, когда царевна управляла царством. Софья закончила жизнь в монастыре, но, фактически, монастырем была и вся жизнь русских царевен до Софьи, и такой была ее собственная жизнь до 1682 г. Можно сказать, что на семь лет, благодаря случаю, она из монастыря вышла. Но в целом, она появилась как историческая фигура слишком рано. Ее место было в следующем XVIIIв., где среди правящих особ женского пола, наверное, никто не составил бы ей конкуренции, за исключением Екатерины II.

Современники смотрели на нее с восторгом, порицанием или удивлением, в зависимости от того, к какому из лагерей они принадлежали. Знаменитый Сильвестр Медведев воспевал ее в своих виршах. Кроме того ей немало страниц посвящено в его «Созерцании кратком». Вообще, ближайшее окружение Софьи состояло из людей книжных. Сильвестр сочинил для нее «Плач и утешение» на смерть царя Феодора Алексеевича. Подписной экземпляр был поднесен царевне. Похвальное слово, предшествующее тексту плача в экземпляре Софьи, показывает, что образованные люди связывали с ее правлением большие надежды. Придворные поэты превозносили царевну, подчеркивая ее мудрость, играя на имени София – Премудрость Божия, сравнивая с библейской Юдифью, сокрушившей врагов «рукою женскою» и с византийскими

царицами древних времен. Царевна, хоть и «сосуд немощный» (т.е. женщина), но в нем скрываются дары, делающие его драгоценным. Появилась даже новая трактовка государственной символики: две головы российского орла – это два царя Иван и Петр, а крылья – царицы и царевны вкупе. Ведь вместе с Софьей из тени вышел вся женская половина кремлевского терема. На диспуте со старообрядцами в 1682 г. присутствовали несколько царевен и обе вдовы царицы.

Пожалуй, самый яркий образ времен этого короткого правления – сравнение Софьи с Пульхерией, которая в V в. была регентом византийской империи при своем младшем брате императоре Феодосии II. Здесь угадывалась прямая параллель с Софьей и Федором, хотя нет прочных оснований думать, что уже в период царствования Федора Алексеевича царевна Софья играла какую-то заметную роль при дворе. Любопытно, что после смерти брата Пульхерия взяла в мужа полководца Маркиана и сделала его императором. И здесь виделась, возможно, опасная параллель. Было известно о близости к Софье боярина Василия Васильевича Голицына (хотя никаких твердых данных о том, что между ними существовали любовная связь, нет). Кстати, Василий Голицын мог считаться и «полководцем», так как именно он водил московские полки в два крымских похода, правда, неудачных. Пульхерия достойно управляла империей, боролась с ересями и была канонизирована церковью. И все же – это была другая история, и Москва, хоть и называла себя «третьим Римом», жила все же совсем по другим правилам, чем «второй Рим» - Константинополь.

А вот враги Софьи не жалели темных красок для оценок. Правда, все они писали уже после падения «царь-девицы», при ее властном и так и не простившем ее брате Петре. Важнейшее значение в судьбе образа Софьи играло то обстоятельство, что все ее ближнее окружение было обвинено в государственной измене и ушло со сцены, а Петр I не просто удалил сестру, но ненавидел ее всю жизнь. И, конечно, за время его долгого тридцатипятилетнего правления, т.е. с 1689 по 1725 г. вся историография стремилась вторить царю и рисовать Софью как его соперницу, стремящуюся отобрать у него престол.

Но кроме придворной лести и политеса у некоторых авторов из петровского окружения были и свои причины ненавидеть даже память о Софье. Сын растерзанного стрельцами в 1682 г. Артамона Матвеева Андрей, сам чудом спасшийся в кремлевских закоулках, конечно, клеймил ее как заговорщицу. И это же обвинение присутствует в большинстве оценок последующего времени, так как Петр I, несмотря на критику со стороны славянофилов и старообрядцев, продолжал оставаться в народном сознании

исторической фигурой № 1. За ним стояла заслуга европеизации страны и превращения ее в великую европейскую державу. Эта традиция оценки Петра перешла и в советскую официальную идеологию, найдя наиболее полное воплощение в романе Алексея Толстого «Петр Первый» и в многочисленных художественных фильмах о Петре.

За всем этим как-то совершенно забылось, что именно при царице Софье в Москве продолжала распространяться европейская культура и обычаи, греческий и латинский языки, даже открылась Славяно-греко-латинская академия, существовал придворный «политес» по польскому образцу, получили распространение экипажи, новое убранство комнат и столов. Василий Голицын был образованнейшим человеком своего времени, француз Невилль сравнивал дом его с двором «какого-нибудь итальянского князя», а разговор у них шел по латыни. Это была партия западников, сторонников сближения с Речью Посполитою, партия, как их тогда называли, «латинствующих» в противоположность традиционалистам-«грекофилам», к которым принадлежал патриарх Иоаким. «Латинствующим» был Симеон Полоцкий, учитель Сильвестра Медведева и первый придворный поэт в истории России, сам Сильвестр, свояк последнего поэт Карион Истомин. Софья была вынуждена балансировать между обеими группировками, но все равно была подозрительна патриарху именно из-за западнического окружения. Это было одной из главных причин, почему он поддерживал Наталью Кирилловну и Петра, видя в них хранителей традиционных московских ценностей. Тем более, что окружение царицы, видимо, недостаточно почитало главу церкви, а Василий Голицын и Федор Шакловитый, второй из фаворитов царицы, прямо смеялись над патриархом и говорили в своих письмах о его «дурости».

Вопрос о том, училась ли царица у Симеона Полоцкого, так и остался нерешенным. Но, как и другие дети царя, она должна была получить воспитание и образование, соответствующее высшим образцам своего времени. Она росла уже в атмосфере новой придворной культуры, которая ориентировалась на Европу, особенно на Польшу. Ее отец учредил театр, и представления посещала его семья, значит, и Софья. Среди придворных были распространены идеи, что вера должна соединяться с доводами рассудка («писаным разумом») – и это уже не считалось ересью. Детей учили гуманитарным наукам (риторике, пиитике, письму и др.). В Древлехранилище Пушкинского дома сохранилась рукопись из Спасо-Преображенского монастыря г. Каргополя (Олонецкая губерния). Это Евангелие в бархатном переплете с серебром, которое, как считалось, было переписано самой царицей Софьей – четким и изящным письмом с заставками и изысканными заглавными буквами. На рукописи имелась запись:

«София трудишася царевна». Предполагают, что Евангелие попало в Каргополь, так как предназначалось Василию Голицыну в подарок, а тот после отстранения Софьи от власти был сослан первоначально именно в Каргополь.²

Но постепенно, с утверждением в историческом сознании общества позитивного образа Петра-западника, фигура Софьи лишалась своих западнических черт. Более того, царевна все более в сознании широкого читателя становилась носителем старых, замшелых и глупых устоев, противоречащих интересам России. Особенно ярко такой образ выписал в художественной литературе. У популярного писателя XIX в. Д.Л. Мордовцева Софья – олицетворение не просто старины, но самых дремучих и диких начал в культуре, это просто зловещая фигура, связанная с гаданием, и наведением порчи. Алексеем Толстым, книга которого в советское время была включена в обязательный круг чтения в школе, Софья трактовалась скорее как недалекая и чуждая каких-либо государственных дел баба, случайно попавшая во власть и находившаяся под полным влиянием своего любовника.

После книги Н.Г. Устрялова возникла традиция считать царевну Софью внешне безобразной: толстой и даже покрытой какими-то наростами. Именно такой изобразил ее И. Е. Репин на знаменитой картине «Царевна Софья в Новодевичьем монастыре». Но источники это не подтверждают, в массовом сознании эта мысль странным образом не прижилась, несмотря на утвердившийся в нем негативный образ царевны. Возможно, закрепившаяся в литературе и в сознании читателей мысль о любовной связи Софьи с Василием Голицыным препятствовала тому, чтобы видеть в ней монстра, даже внешне. Напротив, она почему-то воспринималась скорее как красавица, злобная, глупая, но привлекательная внешне. И этот образ был закреплен фильмом Сергея Герасимова 1980 г., в котором роль Софьи сыграла Наталья Бондарчук, а роль Василия Голицына – Олег Стриженов. Но, поскольку в основе фильма лежал роман Толстого, в экранном облике Софьи-Бондарчук остался оттенок какой-то посконности и, одновременно, истеричности, не говоря уже о том, что она выставлялась организатором стрелецкого бунта и требовала от стрельцов выкрикивать ее на царство в 1682 г., что противоречит не только показанию источников, но и всякому здравому смыслу. Даже те из историков, кто оценивал Софью крайне негативно и обвиняли в посягательстве на престол в конце 1680-х гг., не писали о том, что она желала царства уже в 1682 г.

²См.: Братчикова Е. К. К истории создания Сийского Евангелия XVII в. // ТОДРЛ. 2003. С. 605 – 606.

В истории правления царевны Софьи все авторы обращали внимание на одни и те же события и ставили одни и те же вопросы (впрочем, некоторые не видели здесь вопросов, для них все было ясно). Можно выделить четыре основные темы и четыре проблемы.

1. Участвовала ли царевна Софья в подготовке стрелецкого бунта 1682 г.? Подбивала ли она стрельцов на возмущение и, следовательно, может ли считаться причиной гибели тех, кто стал жертвами бунта? Источники молчат об этом, у нас нет данных ни за, ни против, поэтому в литературе высказывались разные мнения, зависящие от общего отношения авторов к Софье. Однако почти нет разногласий в признании того, что в подавлении стрелецкого возмущения летом 1682 г., то есть в обуздании «Хованщины», Софья сыграла решающую роль.

2. Хотела ли царевна Софья сама царствовать и оттеснить братьев? Здесь также показания источников крайне противоречивы и часто ненадежны. Вообще, следует учитывать, что одним из основных наших источников является следственное дело Федора Шакловитого, несколько томов которого были изданы еще в XIXв. Но следственные дела – весьма специфический источник, особенно, если учитывать, что большинство показаний было получено под пыткой.

3. Готовила ли Софья (или ее окружение) заговор против Петра в 1689 г.? Тут также нет убедительных данных ни в ту, ни в другую сторону, поэтому авторы вынуждены идти от общих рассуждений о выгодности или о возможности той или иной линии поведения, а также использовать косвенные данные, такие как изменения в изображениях царевны на гравюрах, или того, что она стала сама принимать иностранных послов, хотя сначала скрытно размещалась позади трона братьев-царей.

4. Наконец, как следует оценивать внешнюю политику Софьи? Является ли заключение «Вечного мира» с Речью Посполитой в 1686 г. (по которому Речь Посполитая признала за Россией завоеванные территории Левобережья Украины) и проистекающие из него и оказавшиеся неудачными походы против крымских татар правильными действиями или же это было авантюрой и ошибкой? Сближение с поляками было идеей полонофила Василия Голицына. Но это означало резкое изменение предыдущей политики сближения с крымцами и нарушало Бахчисарайский мир 1681 г. И нужно ли высоко оценить заключение Нерчинского договора о границах с Китаем, по которому эти границы были впервые установлены, но в результате была уступлена часть территории, первоначально освоенной Россией?

Новых данных, которые позволили бы однозначно ответить на все четыре вопроса, за все время их обсуждения было выявлено очень мало. Поэтому образ «царь-девицы» продолжает до сих пор кружиться в старой системе оценок. Но они, безусловно, смягчились и стали более взвешенными. Уже во второй половине XIXв. появились работы, в которых авторы пытались объективно разобраться в истории Софьи. Наиболее взвешенная точка зрения имеется в работах Е. Белова, Е. Шмурло, В.О. Ключевского. Н.Я. Аристов можно причислить к защитникам Софьи, он, пожалуй, единственный, оправдывал ее по всем пунктам.

В XXв. имя Софьи неожиданно прозвучало в лирике Марины Цветаевой. Если Петр I ассоциировался близким ей кругом поэтов с большевиками (вспомним волошинское «великий Петр был первый большевик...»), то неудивительно, что сокрушенная им Софья оказалась близкой сердцу белой эмиграции. Но по этой же причине советская пропаганда видела в Софье «врага народа», стоящего на пути прогресса. В борьбе ее с партией Петра не готовы были видеть простую борьбу за власть придворных группировок, поскольку Петр Первый уже прочно представлялся в это время «реформатором с детства», уже в юности замыслившим совершить грандиозные реформы на благо России, и именно поэтому желавшим убрать с дороги мешавшую ему Софью и окружавших ее бояр.

В советское время самую жесткую оценку царевны дал, пожалуй, П. И. Павленко. Но другой известный историк, В.И. Буганов, при общей восторженной оценке Петра I его политики, Софью оценивал более мягко, а по поводу стрелецких мятежей, делал акцент на их объективные причины. В центре внимания советских исследователей был, главным образом, один из сюжетов, связанный с этой эпохой – стрелецкий бунт 1682 г., который рассматривался как народное восстание. А.П. Богданов исследовал нарративные источники по этому восстанию и роли в нем царевны. А. П. Богданову принадлежат многочисленные работы о «Созерцании кратком», летописных сочинениях периода царевны Софьи, литературных панегириках и гравюрах этого времени.

Более поздние исследователи, такие как А. С. Лавров, П. Бушкович, П.В. Седов, К.А. Кочегаров стараются уйти от прямых политических оценок, сосредоточив внимание во-первых, на изучении состава элиты периода правления Софьи, и на тех изменениях, которые в ней произошли, во-вторых, на то, как влияла ситуация с борьбой группировок на формирование линии внешней политики. Акцент сместился, таким образом, с оценки личности правительницы и ее правления на исследование объективных процессов,

которые протекали, как в культурной жизни ее времени, так и в жизни Государева двора, и во внешнеполитических делах.

Из фокуса рассмотрения ушла политическая ангажированность, необходимость черно-белых суждений. В определенном смысле итогом многовековых сомнений ученых и примером взвешенных оценок явилась книга замечательного английского историка Линдси Хьюз, к сожалению уже ушедшей из жизни. Книга переведена на русский язык, поэтому теперь может рассматриваться как фактор, формирующий мнение по этому вопросу в России.³ Этот труд не дает каких-то оригинальных решений старых вопросов, скорее обобщает старые проблемы. Но его можно смело рекомендовать всем, кто интересуется наукой и последними мнениями ученых о нашей героине. Вопреки традиции данной серии давать образ нашего героя только в отечественном восприятии, мы в качестве исключения приводим отрывки из этой книги, также как и из переведенной на русский язык книги американского историка Пола Бушковича, в которой дается оригинальная интерпретация малоисследованных источников о правлении царевны Софьи.⁴ Без них понять сегодняшнюю трактовку правления Софьи было бы затруднительно. Что касается мнений современников, мы, после воспроизведения русских источников, в виде исключения воспроизводим также маленький отрывок из знаменитых записок француза Невилля. Причина в том, что именно от них идут многие устойчивые стереотипы (негативные) восприятия царевны, хотя Невилль, видимо, ее даже никогда не видел, а в отношении событий ее правления питался слухами, что ясно видно из воспроизводимого нами отрывка.

В целом можно сказать, что хотя внимание сейчас перенеслось скорее на процессы, которые шли в целом в последней четверти XVIIв. (то есть, и до 1682 г. и после отстранения Софьи от власти) осталось ощущение уникальности семилетия ее правления и особенности главной фигуры. Поэтому, видимо, интерес к «царь-девице» в ближайшем будущем не угаснет, как среди историков, так в широких слоях читающей публики.

Во всех публикуемых отрывках сохраняются примечания предыдущих издателей, приводимые подстрочно. Наши собственные комментарии даются в конце книги.

³ Хьюз Линдси. Царевна Софья/ Перевод и научное редактирование С.В. Лобачева. СПб., 2001.

⁴ Бушкович Пол. Петр Великий: борьба за власть (1671 – 1725) / перевод Н.Л. Лужецкой. СПб., 2008.

